

АЛАЙНА САЛАХ

Бывший-
БОСС

Алайна Салах

БЫВШИЙ БОСС

Серия «Гасославия»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70246639

Аннотация

– А это мое первое собеседование, представляешь? – Отчего-то мне хочется улыбаться во весь рот. Вот же совпадение! В многомиллионном городе попасть в офис именно к нему. – Мне на работу нужно непременно устроиться, а опыта совсем нет.

– Папа перестал давать денег на карманные расходы? – Тимур откидывается на спинку кресла, глядя холодно и оценивающе. – Не думаю, что ты нам подходишь.

– Зачем ты так? Я очень обрадовалась, когда тебя увидела. Думала, и ты тоже рад.

– Напомню тебе, Маша, что четыре года назад ты укатила в свою страну, не попрощавшись, и с тех пор не давала о себе знать. Сегодня ни с того ни с сего появляешься на пороге моего офиса и очевидно рассчитываешь, что я не только помогу тебе с трудоустройством. У тебя вообще совесть есть?

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

1	4
2	12
3	17
4	21
5	24
6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алайна Салах

БЫВШИЙ БОСС

1

– Вам назначено? – Секретарь в старомодном пенсне, близоруко сощурившись, разглядывает меня из-за стойки. – Имя?

– Маша. Мария Леджер.

– Отчество?

– Станиславовна, – с запинкой отвечаю я, чувствуя, что неумолимо краснею. Так происходит всегда, когда мне приходится хотя бы чуточку врать. Просто Станиславовна – это мое матчество. Боюсь, что отчество Гасовна для этой милой, пахнущей нафталином женщины, прозвучит странно.

– Ждите. Сообщу о вас Тимуру Андреевичу.

Я послушно сажусь на кушетку и достаю из сумки протениновый батончик, чтобы заесть стресс от первого в жизни собеседования. Спрашивается, кто устраивается на работу в самый разгар лета, да еще и приехав в гости? Ответ: Леджеры. После того, как Саша за час израсходовала месячный лимит по карте, папа озаботился тем, чтобы его дети не стали прожигателями жизни и наследства. Работа на каникулах – это его условие.

– Проходите.

Прежде чем встать, я решаю сделать практику йоги, чтобы успокоиться. Закрываю глаза, складываю ладони в намасте и дышу животом. Глубокий вдох – и спокойствие наполняет мое тело подобно солнечному свету... Глубокий выдох – и все тревоги и волнения уходят в землю... Глубокий вдох... – и в меня мощным потоком входят позитив и уверенность.

– Девушка, я сейчас просто приглашу следующего, – нетерпеливо ввинчивается мне в ухо.

Распахнув глаза, я бормочу «извините» и, подхватив сумку, спешу к кабинету руководителя. На всякий случай поправив юбку, вежливо стучусь.

– Тимур ... эээ... Олегович... Можно?

– Андреевич, – поправляет меня знакомый голос.

Растерянно заморгав, я разглядываю очертания знакомой фигуры, занимающей кресло. Оу. Май. Гад. Или охренеть, как сказала бы Саша. Это же... Это....

– Маша? – на мгновение Тимур тоже выглядит растерянным. – Ты что здесь делаешь?

– На работу устраиваюсь, – просяив, отвечаю я. – А ты?

– Я? Я здесь работаю. – Лицо моего бывшего парня становится скептическим. – Точнее, руковожу процессом.

От такой прекрасной новости я даже начинаю улыбаться.

– Ох... С ума сойти, как мне повезло!

Не дожидаясь приглашения, я опускаюсь в кресло напро-

тив его стола.

– А это мое первое собеседование, представляешь? Я так волновалась. Мне на работу нужно непременно устроиться, а опыта совсем нет.

– Папа перестал давать денег на карманные расходы? – Тимур откидывается на спинку кресла, глядя холодно и оценивающе.

А мне отчего-то напротив хочется улыбаться во весь рот. Вот же совпадение! В многомиллионном городе попасть в офис именно к нему.

– Почему? Не перестал. Просто хочет, чтобы дети умели зарабатывать, а не просто тратить.

– Мило. Но если уж у тебя нет опыта, а заработать нужно, не проще ли устроиться официанткой?

Улыбка сползает с моего лица. Почему Тимур это говорит? В интернете черным по белому написано, что его фирме требуются риэлторы. Можно без опыта.

– Ты не хочешь брать меня на работу?

– Не думаю, что ты нам подходишь, – без улыбки и явно не шутя отрезает он. – У тебя есть опыт работы в сфере продаж?

– Только в сфере покупок. Но компания деда много лет успешно занимается продажами. Думаю, этот талант передался и мне.

Тимур дергает челюстью, выходя раздраженным. Может быть, устал от собеседований или не выспался. Или голод-

ный.

– Так может тебе стоит работать у деда?

– Папа против, – поясняю я. – Сказал, что дед предпочтет откупиться, лишь бы не видеть женщин у себя в офисе.

– И теперь твой папа предлагает терпеть тебя?

Нахмурившись, я обнимаю себя руками. Кажется, дело не в голоде и не в недосыпе. Раздражение Тимура имеет непосредственное отношение ко мне.

– Зачем ты так? Я очень обрадовалась, когда тебя увидела. Думала, и ты тоже рад.

Красивое лицо Тимура покрывается бордовыми пятнами. Еще чуть-чуть, и из носа дым пойдет.

– Я – рад? Маша Станиславовна, ты вообще... – Запнувшись, он переводит недоуменный взгляд с резюме на меня. – А почему ты, кстати, Станиславовна?

– Это матчество. Вашим законом больше не возбраняется.

– Так вот, напомним тебе, Маша Станиславовна, что четыре года назад ты укатила в свою страну, не попрощавшись, и с тех пор не давала о себе знать, – чеканит Тимур, глядя в мое межбровье. – Сегодня ни с того ни с сего появляешься на пороге моего офиса и, очевидно, рассчитываешь, что я не только помогу тебе с трудоустройством, но и буду охренеть, как рад это сделать. Видимо, потому, что у тебя ноги длинные и глаза красивые. У тебя вообще совесть есть?

Опешив от внезапно свалившихся обвинений, я начинаю нервно теревить сумку.

– Мне было шестнадцать, а тебе двадцать четыре. Папа бы тебя оскотил. А еще дома меня ждал парень.

Пятна на лице Тимура медленно сливаются воедино. Я снова сболтнула лишнего, но, как всегда, поняла это слишком поздно.

– Маша... – цедит он сквозь зубы. – Ты просто... Смотрю на тебя и не пойму: всерьез ты говоришь или издеваешься.

Не в силах этого больше выносить, я встаю. Непривычно видеть Тимура спустя столько лет. Он возмужал в самом хорошем смысле этого слова, и прическа у него теперь другая. И белая рубашка идет ему не меньше потертых джинсов и толстовки.

– Встань, пожалуйста, – требую я, подойдя к его столу.

Тимур хмурится.

– Это еще зачем?

– Встань. – Я успокаивающе улыбаюсь. – Или ты меня боишься?

Со вздохом Тимур поднимается из кресла. Теперь не я возвышаюсь над ним, а он надо мной. Я уже и забыла, что он такой высокий.

– Мне всегда нравились твои глаза. Помнишь, я говорила, что хочу себе такие?

Он сверлит меня своим пронзительным синим взглядом и молчит. Шагнув вперед, я его обнимаю. Пахнет Тимур замечательно. И на ощупь тоже ничего.

– Я все равно рада, что у тебя все хорошо. Не злись на ме-

ня, пожалуйста.

– Не пытайся быть милой, Маша Станиславовна, – его голос отстраненно вибрирует у меня под ухом. – Не поможет.

– Я от чистого сердца, Тимур. И, наверное, ты прав. Не стоит терять время, пытаясь устроиться в офис. Попробую официанткой.

Забрав сумку со стула, я бреду к выходу. Я и не думала, что собеседование окажется провальным настолько. Аж плакать хочется. Мне здесь так понравилось: все такое новое, стильное и современное, не считая той женщины в приемной. И как было бы здорово работать с Тимуром. С ним у меня связано много теплых воспоминаний. Как он ночью к дому деда приезжал, и мы тайком по городу на его машине катались, и как на концерт рок-группы ходили, и как он первую букву моего имени на груди набил. «М». Прямо под сердцем. Было очень мило.

– Уже уходите? – удивленно интересуется секретарь, снимая пенсне.

– Да. – Я расстроено пожимаю плечами. – Ваш Тимур Андреевич оказался моим бывшим парнем. Кажется, он до сих пор на меня зол и посоветовал поискать вакансию официантки.

– Не расстраивайся, деточка. – Женщина выходит из-за стойки и с сочувствием трогает меня за плечо. – Знаешь что? Утри-ка ему нос! Назло стань успешной. Пусть тебя потом покажут в новостях, а наш Тимур Андреевич будет локти ку-

сать.

– Для этого мне еще три года надо в университете доучиться и как минимум лет пять поработать. К этому времени Тимур уже забудет, как меня зовут. А вариант попасть в международные новости представляется мне чересчур спорным и криминальным. Но все равно большое вам спасибо.

Дожевав на улице остатки протеинового батончика, я сажусь в машину. Куда ехать, правда, пока ума не приложу. Других собеседований на сегодня не назначено – с подачи Саши я была уверена, что меня и на этом наймут.

Достав телефон, решаю ей написать.

«Ты ошиблась. Меня не взяли. Собеседование, кстати, проводил Шубский Тимур. Помнишь его?»

«Красивый, смуглый, с длинными ресницами?» – моментально приходит в ответ. Сестра круглосуточно не расстаётся с телефоном.

«Угу», – печатаю я со вздохом.

«Вот это тебе подфартило! Скинь потом его фотку».

«Откуда мне взять его фотку?»

«Новую сделаешь, когда он возьмет тебя на работу:)))».

«Лучшее, что мне здесь светит – это работа в закуской. И, кстати, это все из-за тебя. Просто признай, что ошиблась. Это немного поднимет мне настроение».

«Окстись, систер. Я никогда не ошибаюсь:))»

Закатив глаза, я откладываю телефон и решаю поехать

к деду. Тронуться, правда, не успеваю из-за раздавшегося звонка. На экране – незнакомый номер.

– Алло? – с опаской произношу я, ожидая услышать, что от моего имени поступила заявка на кредит или меня срочно разыскивают правоохранительные органы.

– Деточка, это Римма Марковна из приемной, – вместо этого заговорщицки звучит в трубке. – Деточка, завтра в девять утра будь в офисе как штык. И паспорт не забудь.

2

Тимур

Когда дверь за Машей закрывается, я с удовольствием ломаю напололам карандаш, представляя на его месте тонкую шею. Ну кто бы мог подумать, а? Что мы не просто случайно пересечемся на улице, а она сама, своими длинными западными ногами припорет ко мне в офис. Я, говорит, рада тебя видеть. А ты, Тимурчик, почему не рад?

Потому что терпеть не могу коз, тем более в своем кабинете. Моя злость на нее никак не связана с тем, что я до сих пор что-то к ней чувствую, и все это время якобы забыть не мог. Конечно, нет.

Жил я все эти четыре года прекрасно: развивался, развлекался и паломничеством в Евнухград себя не утруждал. Дело тут, скорее, в принципе. Нельзя так просто шмякнуть человека мордой в пол, а потом ждать, что он будет рад тебя трудоустроить. И плевать, что ей было всего шестнадцать. Мне-то было уже двадцать четыре.

Откинувшись в кресле, я закрываю глаза и, чтобы успокоить нервы, затягиваюсь воображаемой сигаретой. Этот безопасный способ курения я изобрел еще в старших классах,

когда вокруг дымили все. Не потому, что я такой правильный и не хотел расстраивать родителей наличием дурной привычки, а потому, что на сигареты банально не было денег.

Когда к воображению присоединяются непрошенные воспоминания, я морщусь. Их я точно не заказывал. Но поздно: память, словно дурной бумеранг, со свистом летит назад, в события четырехлетней давности. Бетонные стены офиса исчезают, а перед глазами встает площадка возле супермаркета, где я ее и встретил. Маша сидела на асфальте и, изо всех сил стараясь не заплакать, дула на окровавленную коленку. На ногах у нее были розовые ролики. Нет бы мимо пройти: свалилась – да и хрен с ней. Но выиграло непрошеное джентльменство.

– Давай помогу, – предложил я, и, как настоящий альфа, не дождавшись ответа, обхватил ее за подмышки и поднял. Весила девчонка, как мешок с мукой, и я даже усмехнулся. Но потом она подняла глаза и прошептала что-то вроде «Спасибо, было щекотно», и я остолбенел.

Даже не помню, от чего именно: то ли от по-детски трогательного взгляда, то ли от голоса. Откуда взялся детский взгляд, я уже позже понял. Просто Маша и была ребенком.

Короче, спустя минуту я, как выучный вол, тащил ее рюкзак и ролики, а еще минут через десять мы сидели в кафе, где я на последние деньги угощал ее всякий детской требухой вроде какао с маршмелоу и веганскими ирисками.

Она представилась, я тоже. Зовут Маша, любит смотреть

мелодрамы и кататься на роликах, приехала на каникулы к деду. Дед, судя по рассказам, какой-то злой монстр и за разбитые коленки непременно устроит нагоняй, поэтому дома ей нужно быть только, когда стемнеет.

Я воспринял это, как сигнал к действию, и повез показывать красоты загородной природы. Это сейчас понимаю, как сильно мне повезло, что мы пост ДПС не встретили. Наверняка, приняли бы меня за Теда Банди, решившего пожить в несовершеннолетней, и упекли бы в обезьянник. Хотя, возможно, лучше бы упекли. Отсидел бы пару суток до выяснения обстоятельств и думать забыл бы про эту малолетку.

Короче, к тому времени, как стало смеркаться, я влип в нее по уши. Что удивительно, потому что порой Маша несла откровенную чушь. Например, брала мою руку, долго в нее вглядывалась и потом мило проворковала, что линия жизни у меня короткая, и я лет до тридцати умру. Скорее всего, утону в речке.

А я слушал и все сильнее влюблялся в ее странность и такую непохожесть на меня самого. В хиромантию и прочую херню я, разумеется, не верил, но вот как она брала мою руку и водила своим тонким пальчиком по ладони – мне очень зашло.

Я взял ее номер и позвонил ей на следующий день. Мы увиделись, чтобы поесть мороженого. В свои двадцать четыре я, конечно, вовсю трахался, но ее и мысли не было паль-

цем тронуть. Я просто жрал рожок пломбира рядом с ней и был по-идиотски счастлив.

И даже, когда на мой вопрос, где она учится, Маша, мило улыбнувшись, ответила, что ходит в школу, не испугался. К тому времени я был так сильно ей очарован, что решил дождаться ее восемнадцати. Всего-то два года каждый вечер дрочить – не велика проблема. Дрочить, правда, так и не пришлось, потому что она исчезла.

На этом воспоминания приходится прервать, потому что дверь без стука распахивается.

– Я же тебя уволю, – со вздохом говорю, глядя на единственного человека в офисе, которому позволяю так бесцеремонно к себе вламываться.

– А я тебя засужу за возрастную дискриминацию, – фыркает Римма Марковна. – Нос не дорос еще так с бабулей разговаривать.

– Говори, – цежу я, сжав переносицу.

– Ты почему девочку обидел? Взял и отправил в официантки. Такого блаженного мышонка в первый же день какой-нибудь хам прихлопнет.

Я чувствую, как снова закипаю. Блядь, ну Маша. Сколько времени она провела в приемной? Две минуты? И уже займела телохранителя в лице моей единственной близкой родственницы.

– Этот мышонок сам ему полруки оттяпает и напоследок заразит лихорадкой.

– Тимур! Девочка уходила почти в слезах. Я не так тебя воспитывала.

– Бабуль. – Я устало морщусь. – Хватит корчить из себя Вариса (персонаж «Игры престолов» – прим. автора). Ты просто варишь кофе и отвечаешь на звонки. Теперь, пожалуйста, закрой дверь с той стороны.

Проворчав что-то себе под нос, Римма Марковна, как я зову ее в офисе, уносится в приемную.

В чем-то она, конечно, права. Я ведь сам попросил указать в объявлении, что мы берем людей без опыта, а Машу по причине его отсутствия отправил в официантки.

Посидев в раздумьях еще несколько минут, снимаю трубку. Хочет она попробовать деньги зарабатывать – пусть попытается. Работа риэлтора – это не на роликах гонять. Сама сбежит через неделю.

3

Маша

– Люба, кинь этой травоядной сосиску, – ворчит дед, глядя на меня исподлобья. – Совсем современная молодежь рехнулась с этим веганством. Мозги, Мария, знаешь, чем питаются? Правильно, мясом и жиром. Ела бы нормально, глядишь, стала бы как та баба страшная... Кюри-Мюри. Не в смысле уродливой, а такой же умной.

– Игорь... – с укором говорит жена деда.

– А чего – Игорь? Саня вон мясо лопаает – и как голова варит. Глазом моргнуть не успеешь, такого компота тебе в уши нальет, что ты на нее и машину, и фирму перепишешь. Я не такой идиот, конечно, а вот мамонт ее – вполне. А Мария наша неизвестно в кого пошла. Не иначе дочь моя только морковь в беременность трескала. Эту блаженную травоядную из дома одну выпускать страшно.

– Игорь!

– А что? Лепит вечно, что в голову взбредет, и постоянно улыбается. Дитя солнца – не иначе.

– Я не ем мясо не из-за приверженности к вегетарианству, а потому, что моя система пищеварения так устроена, – ре-

шаю пояснить я. – Недостаточность ферментативной активности. При употреблении животного белка повышаются показатели мочевины и аммиака в крови, поэтому я предпочитаю заменить его растительным. Тебе я бы тоже рекомендовала сдать анализ на общий белок, дедуль, и желательную биохимию крови. Меня очень беспокоит цвет твоих склер. После пятидесяти снижается не только синтез половых гормонов, но и пристеночное пищеварение, что оказывает дополнительную нагрузку на печень. А тебе уже давно не пятьдесят.

– С половыми гормонами у меня все в порядке, – побагровев, ворчит дед. – Где ты всякой этой медицинской херни нахваталась? Статью в википедии вычитала? Так у меня для тебя плохие новости. Закроют скоро вашу википедию.

– Закончила курс нутрициологии в нашем университете в прошлом году. Люба, – я поворачиваюсь к жене деда, зажимающей рот ладонью в попытке спрятать смех. – Если в интимном плане возникают проблемы, я напишу список анализов, который ему необходимо сдать. Восстановить потенцию целиком не обещаю, но станет гораздо лучше. Дедуль, передай, пожалуйста, оливки.

– Ты анализы отцу своему пропиши лучше, а то он никак с моей дочери не слезет! – раздается грозное рывканье. – Люба, ты разве на интим со мной жалуешься?

Люба моментально подходит к нему и успокаивающе обнимает.

– Нет, конечно, Игорь. Ты у меня самый настоящий альфа.

– То-то же. Соплякам своим и их стручкам диагнозы ставь. А у Игоря Жданова с интимом все в порядке.

Собрав со стола грязные тарелки, я несу их к посудомойке. Когда дед повышает голос, я просто перестаю слышать. С детства так повелось.

– Спасибо за завтрак, Люба. Мне пора ехать.

– И куда это ты намылилась ни свет ни заря? – ворчит дед. – Улиток от ковида спасти?

– Сегодня у меня первый рабочий день. Вчера я устроилась на работу риэлтором.

– Хотел бы я посмотреть на того идиота, который взял тебя квартирами торговать.

– Ты его уже видел. – Я не удерживаюсь от улыбки. – Помнишь моего парня Тимура?

– Этого долговязого кобеля, которому я чуть челюсть не сломал, когда к тебе в ночи с веником в зубах приперся? – хмыкает дед.

– Да, его. Я пришла на собеседование, а это оказалась его фирма.

– И что это за шарашкина контора, интересно?

Заглянув в телефон, чтобы ничего не напутать, я вслух читаю название фирмы, разметившей вакансию.

– Агентство недвижимости «Эллада».

– «Эллада»? – Дед удивленно сводит брови. – Однофамильцы, что ли? Знаю я одну «Элладу». Помещение за пол-

лярда продали мне в прошлом году.

– Может быть, это они и есть, – Наклонившись, я целую деда в щеку. – Тимур всегда был очень деятельным и умным. Люба, знаете, как ему идет костюм? Даже сейчас вспоминаю – и мурашки по телу бегут. – Я задираю рукав рубашки, показывая, что не вру. – Правда, он меня сначала не хотел брать на работу. Кажется, разозлился из-за того, что четыре года назад без предупреждения домой к парню улетела. Сказал, чтобы шла работать официанткой. Но потом мне из офиса позвонили и пригласили сегодня прийти. Наверное, потому что я его обняла.

– Маша, е-мае, – устало вздыхает дед. – Ну в кого ты такая, а? Что на уме, то и на языке.

– А я знаю, в кого, – хитро улыбается Люба. – Есть у нас в семье человек, который всегда говорит все, что пришло на ум. Только он еще и в выражениях не стесняется.

Дед небрежно отмахивается.

– Тяжело как с вами, с женщинами. Ладно, иди уже, Мария. А если этот Тимур тебя еще раз в официантки пошлет – мне скажи. Я ему самолично передник надену. А то в прошлый раз до этого жирафа, видать, не дошло.

4

Путь от дома деда до офиса «Эллады» занимает всего двадцать минут, а так как вышла я загодя, то успеваю заехать за кофе. Беру капучино для себя, латте для милой женщины в пенсне в благодарность за то, что меня поддержала, и, конечно, двойной американо для Тимура, который раньше он пил круглосуточно. У него непереносимость лактозы, а как он относится к растительному молоку, я пока выяснить не успела.

Удача улыбается мне с самого утра. Когда я заезжаю на офисную парковку, то застаю его выходящим из машины. Не знаю, что это за марка, но выглядит она дорого. Меня снова берет гордость за него, а по рукам бегут мурашки. До чего ему идут черный цвет и солнечные очки...

Запарковавшись, я выскакиваю на улицу и громко его окликаю. Тимур останавливается так резко, словно ему что-то попало в спину и медленно-медленно оборачивается. Прямо как в кино.

– Привет! – Распираемая радостью от нашей встречи, я с улыбкой демонстрирую ему держатель с кофе. – Поможешь мне, пожалуйста? Боюсь разлить.

Тимур почему-то хмурится и медлит, но потом все же идет в мою сторону.

– Ты все-таки приехала? – бросает он хмуро, так словно

не рад меня видеть. – Думал, что передумаешь.

– А я не передумала, – широко улыбаюсь я. – Тебе та-ак идет эта рубашка. И брюки сидят просто отлично. Подержи, пожалуйста. – Я протягиваю ему стаканы. – Сейчас только сумку заберу.

Достав с заднего сиденья любимую кроссбоди, я закрываю машину и на всякий случай разглядываю свое отражение в стекле. Досадно, что не успела уложить волосы. Слишком боялась опоздать.

– Гелендваген? – со вздохом произносит Тимур, кивая на капот. – Серьезно?

– Это я у деда взяла, – смутившись, поясняю я. – Чтобы безопаснее было ездить. Вдруг придется поехать за город. Для местных дорог мой Порш низковат.

Тимур закатывает глаза и что-то бормочет себе под нос. А я так сильно рада его видеть, что еле сдерживаюсь, чтобы снова не обнять.

– Сними очки, пожалуйста, – прошу вместо этого.

Щеки Тимура слегка розовеют.

– Зачем?

– Хочу на твои глаза при солнечном свете посмотреть. Они будут красиво переливаться.

Кадык на шее Тимура дергается, и он продолжает молча смотреть на меня сквозь темные стекла, давая понять, что удовлетворять мою просьбу не собирается. Тогда я тянусь к его лицу и снимаю очки сама.

– Вот, – удовлетворенно говорю я, разглядывая темно-синюю радужку, подсвеченную золотистыми огоньками. – Говорю же – красиво.

– Что ты делаешь, а... – Голос Тимура звучит тихо и хрипло, и, дав мне пару секунд насладиться зрелищем, он раздраженно выдирает очки из моих рук и вновь надевает. – Хватит, Маша. Ты не в зоопарке.

– Кофе тебе, – отступив, сообщаю я, расстроенная его реакцией. Просто момент получился такой особенный. Словно возвращение в прошлое. – Двойной американо без сахара. Я помню, что ты не пьешь с молоком. Если хочешь, в следующий раз закажу на растительном.

– Кофе мне варит мой секретарь, – цедит Тимур, как и в прошлый раз, покрывшись багровыми пятнами. – Если ты планируешь здесь работать, прими во внимание два правила: не нужно таскать мне кофе и не нужно меня трогать без разрешения. Я отныне твой босс, а не влюбленный придурок.

Тимур

– Тимур, ну что у тебя на голове? – возмущенно шипит бабушка, едва я появляюсь в приемной. – Волосы торчат, как у пугала. И очки с носа сними. А то ткнешься в дверь ненароком.

Я обреченно закатываю глаза. Да что это, блядь, за утро такое? Сначала Маша напала, теперь она. И обеим не дают покоя мои очки.

– Сделайте мне кофе, Римма Марковна, – Я намеренно называю ее на «вы» и по имени-отчеству, даже несмотря на то, что рядом нет сотрудников. – И если и дальше продолжите так встречать своего руководителя, то будете пожизненно командированы домой солить помидоры и смотреть турецкие сериалы.

– А третий кофе тебе не лишним будет, Тимур? – Она смотрит на меня с сомнением.

Опустив взгляд, я досадливо скриплю зубами. Про то, что Машин подарок остался у меня в руках, я напрочь забыл.

– Это, кстати, тебе, – буркаю я, опуская стакан на стойку.

– Мне? А от кого?

– От меня, – весело доносится из дверей лифта голос Маши. – Капучино за то, что были вчера так ко мне добры и подержали. И за то, что позвонили с радостной новостью.

– Римма Марковна. Покажите стажерке рабочее место и сообщите о деталях планерки. Меня пока не беспокоить. – С этими словами разворачиваюсь и ухожу.

– Пойдем, моя хорошая, – слышу по пути к кабинету. – Сидеть будешь в общем зале, где все риэлторы. Место под номером восемь.

– Восемь – мое счастливое число. Это ведь лемниската – знак бесконечности. А что нужно знать по поводу планерки?

– Ничего про нее не нужно знать, кроме того, что она начинается в двенадцать. Тимур Андреевич мог бы и сам это сказать. Не рассыпался бы.

Я со вздохом толкаю дверь кабинета. Все же зря я дал слабинку и устроил Римму Марковну к себе. Чую, попортит она мне крови с Машей Станиславовной в дуэте.

Плюхнувшись в кресло, наконец, сдираю очки. Виски в тех местах, где их коснулась Маша, до сих пор покалывает. Не могу себе до конца объяснить, чем она меня так раздражает. Наверное, тем, что снова притащила в мою жизнь кусок чего-то необъяснимого. Ведь логично, нагрубив кому-то, в ответ как минимум получить нежелание общаться. А что делает Маша после того, как я откровенно издевался над ней на собеседовании? Обнимает, а после притаскивает кофе. Четыре года назад я списывал феномен ее беззлоб-

ности и доброты на возраст. Но она, блядь, и в двадцать такая же. Не от мира сего.

К счастью, если не сегодня, то завтра она поймет, что торговля недвижимостью – занятие не для нее, и исчезнет вместе с гелендвагеном, взятым у деда. Помню я ее деда. Лось бешеный. Он, когда меня возле ее окна застукал, чуть челюсть не вынул. Орал так, что я потом неделю одним ухом не слышал. И это при том, что его внучку пальцем не тронул. Если бы тронул, то меня наверняка постигла участь Теона Грейджоя (персонаж «Игр престолов» – прим. автора).

Подумав об этом, я машинально накрываю ладонью ширинку. Если дрочить пару лет я был готов, то лишаться любимого прибора – ни в коем разе.

Американо от Маши так и стоит на столе нетронутым. Хочу его выкинуть, но потом понимаю, что Римма Марковна о моей просьбе и думать забыла, и подношу стакан к губам.

Американо оказывается именно таким, как я люблю. В меру крепким, в меру сладким. Удивительно, что Маша помнит. Раньше я всегда просил добавить сахар прямо в напиток, потому что терпеть не мог рвать эти дурацкие пакетики.

Открываю ноутбук и, побарабанив пальцами мимо клавиатуры, снова его закрываю. Ладно, сначала лучше пройдусь.

– Забыла сделать мне кофе, – на ходу тычу пальцем в Римму Марковну. – Очередной страйк. А если еще раз будешь обсуждать меня с сотрудниками, отключу тебе кабельное.

Следующим мне попадаетеся Артем, наш топовый риэлтор, принесший агентству в прошлом месяце сорок процентов прибыли. Что вовсе не повод выглядеть вот так.

– Ты пил вчера, или тебя пчелы покусали? Давай домой. Придешь завтра с таким лицом, отправлю в долгосрочный отпуск.

С каждым шагом настроение все поднимается. Видимо, нужно было утилизировать куда-то скопившееся раздражение.

Завидев толпу, собравшуюся в коридоре, уже предвкушаю, как буду ее разгонять.

– Так, почему в рабочее время...

Я невольно обрываюсь, заслышав из-за опущенных голов знакомый звенящий голосок.

– У тебя очень хорошая линия здоровья, Лева. Но я бы обратила внимание на область крестца. В будущем возможны травмы.

– А у меня посмотри, Маш, – доносится еще один мужской и явно очень заинтересованный голос. – Ты где этому обучалась? Меня, кстати, Женя зовут.

– Хиромантии? Я со школы увлекаюсь. Раскрой ладонь, пожалуйста, Женя. О, у тебя сильно развита половая чакра. Рекомендую следить за образом жизни, иначе есть большой риск после пятидесяти остаться одному.

Мои кулаки непроизвольно сжимаются. Мысленно я уже от души пинаю не в меру развитую половую чакру Жени.

– Ну-ка разошлись, – чеканю громко и холодно.

Пять голов резко поворачиваются в мою сторону и моментально исчезают, оставляя хиромантку Машу стоять одну.

– Что за эзотерический балаган ты устраиваешь в рабочее время? – осведомляюсь я, прощаясь с воспрявшим настроением.

– Хиромантия – это наука, – не моргнув глазом, отвечает Маша. – А до начала рабочего дня еще три минуты осталось.

Я бросаю взгляд на запястье, готовясь уличить ее во лжи, и вижу, что она абсолютно права. До девяти осталось ровно три минуты.

Даже думать не хочу, как она с такой точностью определила время. Ни телефона, ни часов у нее на руке не наблюдается.

– Если как-нибудь захочешь – я пересмотрю твою ладонь, – улыбаясь, продолжает она. – С твоей скорой смертью я явно ошиблась. Видишь, Тимур? Ты попросил себя не касаться без спроса, и я слушаюсь.

– Вернись на свое рабочее место, пожалуйста, Маша, – сквозь зубы прошу я. – Пусть моя смерть станет для всех сюрпризом.

– Хорошо, – кротко отвечает она. – Подскажи, пожалуйста, сколько будет длиться планерка? А то в три часа у меня назначена встреча. Один человек хочет инвестировать триста тысяч долларов и ищет помещение для покупки.

Тимур

Если челюсть у меня в этот момент и шаркнула по полу, Маша не подает вида. Стоит и невинно хлопает своими детским глазищами.

– Я ведь могу отлучиться на встречу с клиентом?

Я чувствую себя тупым во второй раз за минуту. Во-первых, где и когда она успела найти клиента? С момента собеседования еще и суток не прошло. Во-вторых, каким образом сумела договориться о встрече? Люди, готовые легко расстаться с такой суммой, по щелчку с кем попало на кофе не встречаются. По опыту знаю.

Видимо, от растерянности я выдаю самый тупой ответ из возможных:

– Не раньше, чем закончится планерка. Ее длительность зависит от эффективности обсуждения текущих вопросов.

Слышали бы меня остальные сотрудники – подумали бы, что Тимур Андреевич свихнулся. Девиз нашей компании – комфорт и удобство клиента превыше всего. Особенно, когда у клиента имеются триста тысяч американских долларов.

– Хорошо. Я скажу Сергею Эдуардовичу, что освобожусь

ближе к вечеру. – С этими словами Маша разворачивается с явным намерением вернуться на свое рабочее место.

Мне хватает секунды, чтобы представить, как этот Сергей Эдуардович, возмущенный таким отношением, тащит свои кровные в конкурирующую «Антеру». Такого косяка я себе точно не прощу.

– Мария! – окликаю я ее тоном школьного учителя. – Можешь назначить встречу на два часа. В порядке исключения.

Ее лицо в форме валентинки моментально начинает сиять. Словно я только что сказал, что исчезающая популяция морских котиков внезапно стала конкурировать за рождаемость с Китаем.

– Правда. О-о, Тимур, спасибо огромное! Завтра я обязательно принесу тебе еще кофе в благодарность. И даже не вздумай отказываться! – Она шутливо грозит мне пальцем, покрытым розовым лаком.

Теперь я чувствую себя людоедом, воруящим конфеты у детишек, и приходится напоминать себе о том, что внешность обманчива, и нежная, не от мира сего Маша, не моргнув глазом, способна сломать чью-то жизнь.

– Одно условие. Ты поедешь не одна, а со мной. Ты пока понятия не имеешь, как заключаются договора.

– Мы поедем вместе? – Припрыгнув на месте, она восторженно хлопает в ладоши. – Как в старые времена! Я уже обожаю работать на тебя, Тимур.

– Тимур Андреевич, – сухо поправляю я. – Не Тимур.

Если обычно на планерку уходит пара часов, но сегодня мы управляемся за полтора. То ли потому, что я отправил домой Женю, сделки которого особенно часто обсуждаются, либо потому, что я сам был непривычно краток. Маша, сидящая в первом ряду с голубым блокнотом и не сводящая с меня сияющих глаз, прилично отвлекала, а еще не давала покоя будущая встреча. Было бы отлично заполучить этого клиента себе. Если подбор недвижимости и сделка пройдут гладко, этот Сергей Эдуардович порекомендует «Элладу» своим друзьям. Сарафанное радио в нашем бизнесе – лучший источник рекламы. Именно оно и помогло мне в свое время занять достойное место на рынке недвижимости. Первый клиент привел второго, второй привел еще одного, и так далее. В один прекрасный день спрос на подбор недвижимости возрос настолько, что я не справлялся, даже подняв ценник вдвое. Я нанял помощника, потом еще одного. Когда сотрудников у меня в подчинении стало четверо, арендовал офис. Так и появилась «Эллада».

На выходе из конференц-зала меня догоняет Маша.

– Тимур, ты так отлично говоришь... Так искусно владеешь вниманием сотрудников и так органично смотришься в качестве руководителя, – тараторит она. – Знал бы ты, как я тобой восхищаюсь. Сидела и любовалась. Даже забыла запи-

сывать то, что ты говоришь. – Она раскрывает блокнот, где на первой странице каллиграфическим почерком выведено единственное слово «Планерка». – Видишь? Ничегошеньки не записала.

– Сложно тебе учиться с такой концентрацией, – буркаю я, недоумевая, почему она продолжает идти со мной рядом. – Залюбуешься преподавателем – и хана конспектам.

– Ой, у нас все преподаватели в возрасте! – беспечно продолжает она. – Я вообще не отвлекаюсь. Как думаешь, что мне нужно с собой взять помимо договора? Я, кстати, заказала себе визитки – видела, что у других тоже есть. Мы сможем забрать их по пути?

– А можно мне навестить туалет? – иронично уточняю я, останавливаясь возле двери в уборную. – По возможности, одному.

Лицо Маши заливается румянцем, и я испытываю легкое торжество. Ну, наконец-то и она смутилась. А то я уже устал в одиночку выгладеть долбоебом.

– Да, конечно. Иди.

Захлопнув дверь, я подхожу к писсуару и на автомате расстегиваю ширинку. Это перспектива остаться наедине со мной в туалете так ее засмутила? Интересно, почему? В двадцать лет она уже наверняка не...

Я морщусь, старательно отгоняя от себя ненужные мысли. К чему думать о том, был ли у Маши секс? Не мое дело. Хотя у нее же парень был в Штатах. Наверняка ему перепало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.